

12+

ВИКТОР ЛОУРЕНС

Внутренний вектор

Как обрести ясность, действовать смело
и жить осознанно

Виктор Лоуренс

**Внутренний вектор. Как
обрести ясность, действовать
смело и жить осознанно**

«Издательские решения»

Лоуренс В.

Внутренний вектор. Как обрести ясность, действовать смело и жить осознанно / В. Лоуренс — «Издательские решения»,

Я покажу, где вы теряете контроль и как вернуть его уже сегодня. Здесь нет теории только то, что работает в жизни: выбор, внимание, решимость и привычки, которые меняют результат. Прочитаете, начнёте действовать иначе и быстрее увидите результат.

Содержание

Огонь внутри, который ведёт	6
Музыка, которую нельзя откладывать	8
Холодная ясность, которая направляет	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Внутренний вектор. Как обрести ясность, действовать смело и жить осознанно

Виктор Лоуренс

© Виктор Лоуренс, 2026

ISBN 978-5-0070-4004-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Огонь внутри, который ведёт

Я помню тот вечер, когда впервые понял, что люди идут не за словами, а за каким-то внутренним светом, который не объяснить и не спрятать. Он либо есть, либо ты всю жизнь будешь стоять у стены и разглядывать чужие тени, делая вид, что это и есть путь. Мы сидели в душевой комнате, и каждый говорил что-то важное, но слова рассыпались, как сухой песок, не связываясь ни во что цельное. И вдруг появился человек, который молчал дольше всех, и это молчание было плотнее любого выступления.

Когда он наконец заговорил, воздух изменился, словно в комнате открыли окно, о котором никто не знал. Я поймал себя на том, что перестал слушать слова — я слушал направление, в котором они двигались. И это было странно, потому что раньше я никогда не думал, что у слов может быть направление.

— Ты куда смотришь? — спросил я его позже, когда мы вышли на улицу, где холод уже успел остыть и стать привычным.

— Туда, где нас ещё нет, — ответил он спокойно, будто говорил о ближайшем перекрёстке.

Я тогда усмехнулся, но внутри что-то дрогнуло, словно старый механизм, о котором я давно забыл, вдруг попытался провернуться. Ведь правда — большинство из нас живёт как в узком коридоре, где стены близко, а потолок низкий, и только редкие безумцы пробуют пробить потолок головой. И иногда у них получается, и тогда потолок оказывается не потолком, а просто доской, которую никто не пытался сдвинуть.

Видение — это не картинка и не план, это ощущение будущего под кожей. Оно зудит, не даёт спать, заставляет спорить с самим собой и с миром, даже когда ты устал и хочешь тишины. Люди без него живут аккуратно, словно ходят по краю лужи, боясь намочить ботинки. Люди с ним — идут прямо по воде, иногда тонут, иногда смеются, но всё равно идут.

Я видел, как один человек годами рассказывал о деле, которого ещё не существовало. Он говорил о нём так, словно уже держал его в руках, словно уже видел его со всех сторон. Над ним смеялись, его перебивали, ему советовали заняться чем-то «реальным», чем-то понятным, чем-то, что можно объяснить соседу за пять минут. Но он продолжал, как будто слышал музыку, которую другим не включили.

— Ты же рискуешь, — сказал я ему однажды, когда разговоры вокруг стали особенно язвительными.

— Конечно, — ответил он. — Но без риска это просто жизнь, а не движение.

И я понял, что он не про успех говорит и не про победу. Он говорит про необходимость двигаться, как дышать, даже если воздух холодный и режет лёгкие. Потому что если остановиться — ты перестаёшь быть собой, становишься удобным, тихим, правильным, но чужим самому себе.

Есть странная вещь: чем яснее ты видишь, тем сильнее тебя тянет вперёд. Это как магнит, который притягивает не только тебя, но и других. Сначала один человек задерживается рядом, потом другой начинает задавать вопросы, потом третий уже предлагает помощь. И вот уже ты не один, а вокруг тебя собирается круг, сначала маленький, потом шире, потом ещё шире.

Но видение не любит тумана и недосказанности. Если ты сам не понимаешь, куда идёшь, никто за тобой не пойдёт, даже если ты будешь говорить громко и уверенно. Я однажды пытался вести людей, не разобравшись до конца, и это было похоже на поход в лес без карты: шаги есть, движения есть, а смысла нет. Мы блуждали, пока не признали очевидное — у нас не было направления.

— Сначала разберись сам, — сказал мне тогда старик, который говорил редко, но попадал точно. — Люди чувствуют, когда ты врёшь себе, даже если ты говоришь красиво.

И правда. Видение требует честности. Оно не терпит приблизительности, лености и самообмана. Оно как огонь: если его не поддерживать, он гаснет, и тогда остаётся только холод, привычка и разговоры о том, что «раньше было лучше».

Я научился выделять время, когда никто не мешает. Без телефонов, без разговоров, без суеты. В такие моменты мысли сначала шумят, как базар, где каждый кричит громче другого, но потом они устают, и появляется что-то настоящее. Там, в этой тишине, рождаются решения, которые потом выглядят как внезапные.

— Откуда ты это взял? — спрашивают.

— Долго молчал, — отвечаю я теперь чаще, чем раньше.

Иногда кажется, что мечта — это роскошь, которую могут позволить себе только те, у кого всё уже есть. Но на самом деле это необходимость, как вода или воздух. Без неё человек сжимается, становится осторожным, удобным, предсказуемым. А мир не меняют предсказуемые — они его поддерживают в том виде, в каком он уже есть.

Я видел, как одна идея захватывает людей. Сначала один говорит, потом двое спорят, потом пятеро начинают действовать, и вдруг это уже не просто мысль, а движение. Всё начинается с того, что кто-то осмелился представить невозможное как возможное и не испугался этой мысли.

— А если не получится? — спрашивают всегда, как будто это главный вопрос.

— Тогда попробуем ещё раз, — отвечаю я теперь без паузы.

Потому что самое опасное — не ошибка, а отсутствие попытки. Когда ты перестаёшь видеть дальше сегодняшнего дня, жизнь становится короткой, даже если впереди десятки лет. Она сжимается до расписания и привычек, до разговоров о погоде и ценах.

Есть люди, которые видят препятствия. Они аккуратно их обходят, записывают, обсуждают, анализируют. А есть те, кто видит цель. И тогда препятствия становятся просто деталями, которые нужно решить, как задачи в тетради.

Я однажды стоял на берегу и смотрел, как вода разбивается о камни. И вдруг понял: вода не спорит с камнем, не убеждает его, не обходит его с обидой. Она просто продолжает течь, и со временем камень меняется. И в этом её сила.

Так и с видением. Оно не должно быть идеальным, но должно быть живым. Оно должно вести тебя, даже когда темно, даже когда страшно, даже когда никто не верит. Особенно тогда.

— А если я ошибаюсь? — спросил я однажды, когда страх оказался громче обычного.

— Ошибёшься, — ответил он. — Но без этого ты вообще никуда не придёшь.

И тогда я понял: видеть — значит идти. Идти — значит менять. А менять — значит жить по-настоящему. Всё остальное — ожидание, которое маскируется под жизнь, но ей не является.

Музыка, которую нельзя откладывать

Я долго не понимал, зачем вообще просыпаюсь по утрам, если каждый день похож на предыдущий, как копия, сделанная небрежно и с легкой тенью скуки. Мир вокруг казался отлаженным механизмом, где все детали вращаются по заранее заданной траектории, и я был одной из них, пусть и с иллюзией выбора. Я делал то, что «нужно», говорил то, что «принято», и постепенно перестал слышать, что мне самому хочется сказать. Где-то глубоко внутри оставалось ощущение несказанного — как нота, которую ты держишь, но так и не даешь ей прозвучать, опасаясь, что она окажется не к месту.

Это ощущение не было громким. Оно не требовало немедленного внимания, не устраивало истерик, не ломало привычный ход вещей. Оно просто присутствовало — как тихое напоминание, что есть что-то еще. Иногда я ловил себя на том, что замолкаю в разговоре не потому, что мне нечего сказать, а потому что то, что хочется сказать, не совпадает с тем, что ожидается. И тогда я выбирал молчание — аккуратное, удобное, безопасное.

Иногда это проявлялось странно. Я мог сидеть на работе, смотреть в экран, и вдруг чувствовать, что занимаюсь не своей жизнью. Не чужой — нет, именно не своей. Как будто кто-то аккуратно подменил сценарий, и я согласился играть по нему, не задавая вопросов. И чем дольше это продолжалось, тем тише становился внутренний голос, тот самый, который когда-то знал, чего я хочу, и не боялся этого.

Я помню, как однажды попытался вспомнить, когда в последний раз делал что-то просто потому, что не мог не делать. Не потому что надо, не потому что выгодно, не потому что так принято, а потому что иначе нельзя. И не смог. В голове всплывали только рациональные решения, аккуратно выстроенные цепочки причин и следствий. Все было логично. И все было пусто.

Однажды вечером я встретил человека, который сказал простую вещь: «Ты живешь так, будто у тебя есть запасная жизнь». Я сначала усмехнулся, даже хотел что-то возразить, но не нашел слов. Потому что где-то внутри я уже знал, что он прав. Я вдруг отчетливо понял: никакого запаса нет. Есть только это время, это дыхание, этот странный шанс быть здесь.

После этого разговора что-то сдвинулось. Не резко, не драматично — скорее, как если бы слегка повернули ручку, и в комнату начал проникать воздух. Я начал прислушиваться к себе — не к мыслям, которые спорят и доказывают, а к тому, что ощущается где-то под ними. И оказалось, что внутри меня есть движение, тихое, но настойчивое. Оно не объясняет, не аргументирует, оно просто тянет. В одну сторону.

Я пытался его игнорировать. Говорил себе, что это каприз, что это временно, что нужно быть разумным. Но чем сильнее я игнорировал, тем громче оно становилось. Оно проявлялось в усталости, в раздражении, в ощущении, что я трачу себя не туда. И тогда стало ясно: это не случайный шум, это сигнал.

— Ты опять думаешь? — спросил меня однажды знакомый, когда я в очередной раз завис в своих рассуждениях.

— Думаю, — ответил я.

— А чувствовать пробовал?

Этот вопрос показался мне почти дерзким. Чувствовать — значит выйти за пределы логики, отпустить контроль, позволить себе не знать. А я привык держаться за понимание, как за поручень в трясущемся автобусе. Но именно там, в этом зыбком пространстве, я начал замечать, что становится легче. Как будто я перестаю тащить на себе чужую мебель.

Я стал различать в себе два голоса. Один — аккуратный, рациональный, он все просчитывает и предупреждает об опасностях, он говорит убедительно и уверенно. Второй — тихий,

но упрямый, он не объясняет, он просто знает. И если первый голос требовал гарантий, второй требовал только одного — честности.

Иногда этот второй голос звучал почти как тревога. Не страх, а именно тревога — сигнал, что я свернул не туда. В такие моменты я ловил себя на раздражении, усталости, странной пустоте. И тогда становилось ясно: я снова живу не тем, что во мне есть, а тем, что от меня ожидают.

Я начал экспериментировать. Делать маленькие шаги туда, куда меня тянет, даже если это выглядело нелепо. Говорить «да», когда раньше говорил «потом». Отказываться от того, что не откликается, даже если это удобно и безопасно. И с каждым таким шагом я чувствовал, как внутри становится больше воздуха, как будто я открываю окна в давно закрытом доме.

— Ты рискуешь, — сказал мне один знакомый.

— Возможно, — ответил я. — Но я впервые чувствую, что живу.

Риск оказался не тем, чем я его представлял. Это не прыжок в пропасть, а скорее выход из тесной комнаты. Сначала страшно — потому что непривычно. Но потом ты понимаешь, что снаружи есть пространство, в котором можно дышать, и назад уже не хочется.

Я долго боялся ошибиться. Мне казалось, что ошибка — это что-то окончательное, почти приговор. Но однажды я заметил, что все мои «ошибки» — это просто результаты. Они не закрывают путь, а, наоборот, показывают, где он проходит. И если не цепляться за оценку, а смотреть на опыт, становится легче двигаться дальше.

— Значит, ты не боишься провалиться? — спросили меня.

— Боюсь, — сказал я. — Но я больше не считаю это концом.

Постепенно я начал замечать, что то, что меня вдохновляет, не требует усилия в привычном смысле. Это не значит, что там нет труда — есть, и немалый. Но этот труд не изматывает, а наполняет. Как будто ты работаешь не против себя, а вместе с собой, в одном ритме.

Я вспомнил, как в детстве мог часами заниматься тем, что мне нравилось, не замечая времени. Тогда никто не говорил мне, что это «непрактично» или «не принесет пользы». Тогда это просто было частью меня. И, возможно, именно там и спрятано то, ради чего я здесь.

Я стал задавать себе простой вопрос: что заставляет меня оживать? Не радоваться на поверхности, а именно оживать — чувствовать, что я здесь не зря. Ответы приходили не сразу, но они были честными. И каждый такой ответ требовал действия, пусть даже небольшого.

— А если не получится? — спрашивал я себя.

— Тогда ты узнаешь, — отвечал тот самый тихий голос.

Я начал замечать, как много людей вокруг живут, отложив свою «музыку» на потом. «Когда будет время», «когда появятся деньги», «когда станет безопаснее». Но это «когда» растягивается, как резинка, и в какой-то момент оказывается, что тянуть больше некуда, и звук так и не прозвучал.

Однажды я встретил человека, который сказал: «Я всегда хотел...» — и дальше последовал длинный список. В его голосе не было горечи, только усталость. И я вдруг понял, что не хочу однажды говорить так же, будто рассказываю о чужой жизни.

Музыка внутри — это не обязательно что-то великое. Это не обязательно талант, который увидят другие. Это может быть что-то тихое, почти незаметное. Но если это твое, оно требует выхода. И если его не дать, оно не исчезает — оно просто становится тяжестью, которую ты носишь с собой.

Я стал относиться к этому серьезно. Не как к хобби, не как к развлечению, а как к части себя, которую нельзя игнорировать. И чем больше я позволял этому проявляться, тем меньше во мне оставалось внутреннего сопротивления.

Иногда я все еще слышу голос сомнения. Он говорит о рисках, о последствиях, о том, что можно потерять. И, возможно, он прав. Но есть и другой голос — тот, который спрашивает: а что ты потеряешь, если не попробуешь?

И каждый раз, когда я выбираю действие, пусть даже маленькое, я чувствую, как внутри становится тише. Не потому что исчезают вопросы, а потому что появляется ощущение согласия с собой, редкое и спокойное.

Теперь я не ищу идеального момента. Его не существует. Есть только сейчас, в котором можно сделать шаг. И этот шаг — единственное, что действительно принадлежит мне.

Я не знаю, куда это приведет. Но впервые это перестало быть главным. Гораздо важнее, что я слышу себя. И не оставляю свою музыку внутри. Потому что тишина, в которой она остается, — это уже не покой, а отказ от жизни.

Холодная ясность, которая направляет

Я долго путал знания с пониманием, и эта путаница казалась мне естественной, почти правильной. Мне казалось, что если я накоплю достаточно фактов, прочитаю нужные книги, услышу правильные слова и научусь повторять их в нужный момент, то автоматически начну действовать правильно. Но со временем я заметил странную вещь: чем больше я узнавал, тем сложнее становилось принимать решения, как будто вместо ясности появлялся туман. Информация росла, а направление — нет, и я всё чаще останавливался там, где раньше шёл уверенно.

— Ты слишком много знаешь и слишком мало решаешь, — сказал мне человек, который редко говорил, но всегда попадал в точку.

— А что тогда делать? — спросил я, чувствуя раздражение и растерянность одновременно.

— Учиться видеть, — ответил он, будто это было самым простым делом на свете.

Сначала я не понял, о чём он говорит, и даже немного разозлился на эту расплывчатость. Ведь видеть — это же очевидно, разве нет, мы же не слепые? Но оказалось, что можно смотреть и не видеть, слушать и не слышать, знать и не понимать, и это состояние куда опаснее, чем полное незнание. Потому что оно создаёт иллюзию уверенности там, где её быть не должно.

Мудрость — это не объём информации, а способность выбрать главное в нужный момент и не потеряться среди лишнего. Это как идти в густом тумане: одни стоят и ждут, пока он рассеется, другие делают шаг, ориентируясь на слабые очертания впереди. И часто именно этот шаг, сделанный без полной уверенности, оказывается единственным правильным.

Я видел людей, которые знали гораздо больше меня и могли говорить часами, не повторяясь. Они могли цитировать, анализировать, объяснять, строить сложные конструкции из мыслей. Но когда приходило время действовать, они замирали, словно перед невидимой стеной, которую сами же и построили. И были другие — они знали меньше, говорили проще, но двигались точнее и быстрее.

— Ты не боишься ошибиться? — спросил я одного из них, когда он принял решение, которое казалось мне слишком рискованным.

— Боюсь, — ответил он спокойно. — Но стоять на месте страшнее.

И в этом была вся разница. Мудрость не убирает страх, она просто не даёт ему стать главным. Она не делает выбор идеальным, но делает его возможным, и этого оказывается достаточно, чтобы двигаться дальше.

Есть одна вещь, которую я понял не сразу и долго сопротивлялся ей: знания можно накопить быстро, а понимание приходит медленно и требует времени. Оно требует не только чтения, но и наблюдения, не только слушания, но и молчания, не только успехов, но и ошибок. Оно формируется не в тишине теорий, а в столкновении с реальностью, где всё оказывается сложнее, чем казалось.

Я начал обращать внимание на то, как именно принимаю решения, и это было неприятное наблюдение. Раньше это было хаотично: эмоции, чужие мнения, случайные обстоятельства, страхи и надежды — всё смешивалось. Теперь я стал останавливаться и задавать себе простой, но неудобный вопрос: что действительно важно сейчас, если отбросить всё лишнее?

— Ты слишком упрощаешь, — сказали мне.

— Возможно, — ответил я. — Но сложность меня никуда не привела.

Мудрость часто выглядит как простота, но это не та простота, которая от незнания. Это простота, из которой вычищено всё лишнее, как из комнаты, где остались только нужные вещи. И именно поэтому в ней легче дышать и легче принимать решения.

Я заметил, что самые точные решения приходят в тишине, когда исчезает давление извне. Не в спорах, не в шуме, не в бесконечных обсуждениях, где каждый пытается доказать своё. А тогда, когда ты остаёшься один и честно смотришь на ситуацию, не пытаешься её приукрасить.

— Тебе нужно время, — сказал мне однажды человек, которому я доверял.

— У меня его нет, — ответил я, как отвечают все, кто боится остановиться.

— Тогда у тебя не будет и ясности, — сказал он.

И я понял, что спешка — это не скорость, а потеря ориентации. Она заставляет выбирать быстрее, но не лучше, и часто ведёт туда, куда ты не собирался идти. Иногда остановка — это не потеря времени, а единственный способ его сохранить.

Есть ещё одна сторона, о которой редко говорят: мудрость требует честности, причём без компромиссов. Если ты обманываешь себя, никакие знания не помогут, потому что ты будешь видеть только то, что хочешь видеть. И тогда любое решение будет построено на искажении.

Я однажды принял решение, которое казалось идеальным. Оно было логичным, обоснованным, поддержанным другими, и внешне всё выглядело правильно. Но внутри было тихое ощущение, что что-то не так, словно в конструкции не хватает одной детали. Я проигнорировал это ощущение — и ошибся.

— Ты знал, — сказали мне потом.

— Нет, — ответил я. — Я чувствовал.

— Это и есть знание, — услышал я в ответ.

С тех пор я стал внимательнее к этому внутреннему ощущению. Не к эмоциям, которые шумят и мешают, не к страхам, которые искажают, а к тихому сигналу, который не требует внимания, но не исчезает. Он редко ошибается, если ты не врешь себе.

Мудрость не изолирует человека, она наоборот заставляет его слушать других. Не соглашаться автоматически, но и не отвергать сразу. Потому что иногда именно в чужом взгляде есть недостающая часть картины.

Я начал чаще задавать вопросы, и это оказалось сложнее, чем говорить. Не вопросы для подтверждения своей правоты, а вопросы, которые могут её разрушить. И это требовало усилия.

— Ты хочешь быть правым или точным? — спросили меня однажды.

Я долго молчал, потому что ответ был не таким очевидным.

Быть правым приятно, это даёт ощущение контроля и устойчивости. А быть точным — сложнее, потому что требует гибкости, признания ошибок и готовности менять позицию. И именно это и есть работа мышления.

Мудрость не боится изменений, она понимает, что стабильность — это не неподвижность, а способность адаптироваться. То, что работало вчера, может не работать сегодня, и это не катастрофа, если ты готов пересмотреть свои решения.

Я заметил, что чем больше я пытаюсь удержать всё под контролем, тем больше упускаю. А когда я концентрируюсь на главном, многое начинает выстраиваться само, без лишнего напряжения.

— Ты всё не удержишь, — сказал мне однажды старик.

— Тогда что удерживать? — спросил я.

— Смысл, — ответил он.

И это стало для меня ориентиром. Когда есть понимание смысла, решения становятся проще, потому что появляется критерий. Не внешний, а внутренний.

Есть люди, которые боятся принимать решения и откладывают их до последнего. Они собирают информацию, анализируют, обсуждают, ищут подтверждения. Но в какой-то момент это перестаёт быть подготовкой и становится бегством.

Мудрость — это способность сказать «достаточно» и сделать шаг. Не потому что всё понятно, а потому что достаточно понятно, чтобы двигаться дальше.

Я понял, что невозможно знать всё, и это оказалось освобождением. Потому что тогда исчезает необходимость ждать идеального момента, которого не существует. И появляется возможность действовать в реальности, со всеми её несовершенствами.

— А если ошибусь? — спросил я.

— Значит, узнаешь больше, — ответили мне.

И в этом была простая правда, которую сложно принять: ошибка — это не конец, а часть процесса. Без неё движение превращается в стояние.

Мудрость — это не вершина, на которую можно подняться и остаться. Это постоянное движение, корректировка, наблюдение. Она требует участия, внимания и честности каждый день.

И если дисциплина удерживает движение, а видение задаёт направление, то мудрость даёт смысл каждому шагу. Без неё можно идти долго и даже быстро — но не туда.

Смелость, которая ведёт через страх

Я долго считал, что смелость — это отсутствие страха, какая-то врождённая твёрдость, доступная немногим. Мне казалось, что есть люди, которым просто не страшно, и потому они идут вперёд, когда остальные стоят, колеблются и ищут оправдания. Я смотрел на них с расстояния и думал, что между нами есть некая непреодолимая граница, что им дано больше. Но со временем стало ясно: страх есть у всех, просто одни подчиняются ему, а другие учатся идти вместе с ним, не давая ему решать за себя.

— Ты боишься? — спросили меня однажды перед шагом, который нельзя было отложить.

— Да, — ответил я, потому что отрицать было бессмысленно.

— Значит, всё на месте, — сказали мне спокойно, как будто речь шла о чём-то привычном.

Эта простота сначала раздражала. Мне хотелось избавиться от страха, а не принимать его как норму. Но позже я понял: страх — это не сигнал остановки, а сигнал значимости. Он появляется там, где есть риск, где есть возможность потерять, но именно там же есть возможность приобрести.

Смелость — это не прыжок в пустоту с закрытыми глазами. Это ясное понимание риска и решение двигаться несмотря на него. Это способность сказать себе: да, мне страшно, но я всё равно пойду, потому что иначе останусь там, где уже не могу быть.

Я видел людей, которые отступали задолго до того, как возникала реальная опасность. Они проигрывали в воображении, создавали картины неудачи, убеждали себя, что не получится. Их останавливали не обстоятельства, а собственные предположения.

— Ты уже всё решил? — спросил я одного из них.

— Я просто понимаю, чем это закончится, — ответил он.

— Ты понимаешь или боишься? — спросил я.

Он не ответил, но я понял, что разницы он не видит. И в этом была главная проблема.

Смелость начинается там, где ты перестаёшь верить страху на слово. Где ты проверяешь его, а не подчиняешься ему автоматически. Это требует усилия, потому что страх убедителен, он говорит громко и уверенно.

Я сам не раз отступал, убеждая себя, что это разумно. Что нужно подождать, подготовиться, выбрать лучший момент. Но потом я смотрел назад и видел: я просто испугался.

— Ты снова отступил, — сказал мне однажды тот самый человек.

— Я решил подождать, — ответил я.

— Ты решил избежать, — поправил он.

Эта разница оказалась важной. Потому что ожидание может быть частью движения, а может быть формой бегства. И отличить одно от другого можно только честно посмотрев на свои мотивы.

Смелость часто требует идти против мнения окружающих. Это один из самых трудных её видов, потому что мы зависим от одобрения больше, чем хотим признать. Когда все вокруг сомневаются, а ты идёшь вперёд, ты остаёшься один на один со своим решением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.